

«Кроха» был откровенно зол на Романыча. Мало того, что он отпустил «пиздёныша» без наказания, так ещё накричал за задержку до утра в лесу. Благо Лёха позвонил и сквозь эфирные помехи сообщил, что Романыч приказал сматывать дозор за парнем.

Дмитриев Дмитрий Дмитриевич, он же «Кроха», он же «Три Дэ», он же «Дима в кубе», и просто Димыч, стоял перед шефом и офигевал от рассказа, что парень, который стоял на крошечном уступе, появился в кабинете Романыча за час до появления в нём Лёхи. Мало того, что появился внезапно, но и был ласково, по словам ещё одного охранника «Зелёнки», отпущен восвояси.

Он вышел из кабинета начальника, сильнее обычного хлопнув дверью, вызвав морщинки на лбу Зелёнки. Налил чуть ли не полный стакан виски из стоящей в приемной бара бутылки, одним глотком перелил на дно желудка. «Я спать!» — бросил он охраннику.

Усталость от ночи, проведённой на неудобных, вывороченных из автомобиля креслах, озnob, оставшийся после сквозняка у костра, когда перед туловища невыносимо обжигает жар, а спину и затылок обдувает холодный ветер гор, погасили в нём настрой ночи вызвать в постельку жаркую блондинку. Даже не закрыв двери автомобиля, прошёл к дому и практически мгновенно уснул, упав на диван.

Его никто не беспокоил, не пытался приказать, не сообщал о положении дел в компании. Про него будто забыли. Это помогло ему проснуться с ясной головой уже вечером в девятнадцать тридцать. Удивленный своим долгим сном, Димыч, принял контрастный душ, выпил крепкого кофе и задумался. Думать о чудесном перемещении Сергея он начал ещё засыпая, потом в душкабине.

«Его что на вертолёте переправили что ли... ? Какой на хуй вертолёт! Мы бы его услышали. Тогда как он вперёд Лёхи оказался в городе? Завтра же с утра поеду посмотрю это место, что-то тут не чисто» — думы не могли выстроиться в логическую цепочку, теряли смысл. «Стой! Да, блядь, у него есть брат-близнец. Он то и был у Романыча! Точно! А сегодня днём брат уже высвободил пиздёныша. Ах, гады! Я вас разыщу, возьму с вас должок, который вы отадите не только деньгами. Хуй вам в зубы, пидоры!» — Остатки гнева мучили разум, мешали распознать что-то явное, вертящееся на уме слово

Чего-то, какой-то логической завершенности в последней цепи не хватало. Димыч сделал глоток напитка.

«Стой! А какого хуя Романыч его так отпустил? Ведь раньше он не спускал пытавшимся прокинуть его лохам. Больно злобный авторитет Романыч, чтобы прощать такое преступление. Пусть даже это братело пидора, и Романыч не понял подлога! Как? Откупились что ли? Так Зелёнка ничего не сказал о бабках. Поведал, что парень пришёл, захотел отыграться, но шеф внезапно подобрел и отечески похлопывая парня по спине, отпустил. Зелёнка это видел своими глазами!»

Поехать в офис, встретиться опять с Романычем, Димыч не захотел. Оделся в приличествующий его статусу костюм, глянул на своё отражение в зеркале прихожки, проверил белизну зубов, подмигнул отражению карим глазом. Ещё раз прошёлся лопатообразными ладонями по широкой, мускулистой груди.

Украшением, красящим, согласно поговорке, головы с коротко подстриженными волосами, удобными для занятий ставшим модным, дзюдо, являлись три шрама — один на затылке и два у левого виска. Не маленький калган, содержащий довольно умный, с IQ за 110, мозг, покоялся на мощной, ровной шее, в свою очередь опирающийся на треугольник надплечий. Если бы не криминальное воспитание девяностых, то отличник с красным дипломом Дмитриев, мог спокойно закончить военное лётное училище, стать таким же асом, которые на парадах машут крыльями «МИГов» и «Яков» пролетая над Красной Площадью.

Денег у родителей Димы хватило только на покупку плацкарта до ближайшего города где было такое, мечтаемое юношескими фантазиями, училище. Наскребя ещё денег его проводили в Т-нск. Если, садясь в поезд он мог купить на накопления еды на полгода, то по сошествии из вагона выяснилось, что деньги обесценились втрое. Ещё через неделю можно было рассчитывать только на месячное пропитание.

В училище он поступил без проблем, не зря ведь получил красную корочку. Но вот с жильём и довольствием вышел полный, как тогда стали говорить — облом. Училище ещё не рассчиталось с поставщиком тепла за прошлый год, поэтому держать на балансе казарму, ректорат отказался. Стипендия была таким мизером, рассчитанным на «крепкий» рубль, теперь по нынешним рыночным, мать их отношениям к баксу, не стоила и пирожка в столовке.

Более хваткие из преподавателей стали кооператорами, забросили подготовку молодых лётчиков, желающих защищать небо Родины. И курсанты естественно тоже не могли существовать на один пирожок в месяц. Отучившихся более двух курсов кадетов, перевели в другие училища страны, а остальным предложили самим добираться к сохранившимся школам. Кто поехал назад в пенаты, под родительское крыло, кто, как Дима, не смог смотреть на жалкие от безысходности лица матери и отца, подался в охранники видеосалонов, заполонивших любое мало-мальски отапливаемое и вмещающее в себя пару десятков, украшенных из того же лётного училища кресел и стульев.

Здоровьишком Диму Бог не обделил. В перерывах, обычно с утра, парень «кидал железо», набирая силы, стал главным секьюрити по сети салонов. Затем хозяин расширил «владения», захватил пару-тройку магазинов, тем самым нагружив охрану дополнительной обузой. Парни калечились, гибли в схватках между конкурирующими бандами, их сменяли другие мальцы, только закончившие седьмой класс. Им на смену пришли совсем сосунки. Калечились и гибли вовсе не за Родину, как их отцы и деды, патриотически вставшие перед врагом, а из-за желания испробовать импортное бухло, одеть тело в сшитое в подпольных цехах Европы «фирменные» джинсы, пожевать «жвачку» наконец. «Хозяевам» было откровенно по херу кто будет отстаивать их правоту престиж при разборках, главное, чтобы мог держать биту или нунчаки, так громко вошедшие из западных боевиков в народные кулачные бои, когда, подчиняясь писанным законам чести, ватага на ватагу, голыми руками рвала конкурентов.

В одной такой разборке Дима получил несколько ударов битой по костям, которые, опять же слава Богу не поломались, сдержали удар по умному калгану. Трохея вместе с пищеводом одного из соперников хрустнули в пальцах обезумевшего от боли Димки, тело погибшего не за правду послужило щитом, сдерживающим удары велосипедными цепями. Под этим телом он и лежал до приезда милиции.

Благо рассечения на голове Дмитрия были ужасающими, его не причислили к убийце «щита». После этой разборки, ещё не подлечившийся окончательно Димка, плонул на

«хозяев», пошел в личные охранники к одному банкиру.

Не трус, но ставший осторожным, вернее понимающим, что может превратиться в «щит» банкира, Три Дэ, как его стал называть шеф, продержался два года на посту главного охранника. Так бы и охранял жирнеющее тело, если бы не супруга оного.

Сучке вздумалось отомстить мужу за измену, ладно бы с королевой или на худой конец с княгиней, но поменять тело жены с корнями первого секретаря горкома партии на рыжеволосую блядь, было пределом понимания Анжели. Хитроумным вывертом взяла Димочку в путешествие к родителям в пригород, где папа, пока был на высокой должности, успел отгрохать особнячок. Там хорошо накормила-напоила охранника и легла в постель к заполненному тестостероном, пышущим желанием мужчине.

Будучи полнейшей идиоткой, в пылу перебранок с супругом, Анжели поведала о ночке с Димой. И уж чтобы окончательно добить мужа сказала: «И больше не суй свой хуишко в мою кисоньку. Она теперь принадлежит хуищу Димочки!»

— Дима, — когда шеф называл его вежливо, по имени, это грозило чем-то скверным, на подобии приговора к смертной казни, — Дим, только мы трое знаем об вашей с Анжели интрижке. Так вот, Дима, завтра повезёшь её опять к родителям. Завезёшь в лес и закопаешь... навсегда. Ты понял, Димочка? Пусть думают, что это киднеппинг. Надоела она мне уже.

Тридцатишестилетний мужчина сидел за отдельным столиком, отхлёбывая из сифтера маленькими глоточками напиток тёмно-коричневого цвета, оставляя за девушками право самим решать разделить с ним одиночество или сидя у стойки ментально мастурбировать на себя, продолжал размышлять о чудесном перемещении Сергея и невозможном прощении Романычем. Первая капля, то бишь девушка, символизируя лёгкий дождик, направилась было к его столику, но будучи оценённой мужчиной, наткнулась на его гневный взгляд. Толи десятая «капля» действительно понравилась Дмитрию, толи так коньяк подействовал — Юля, так представилась девушка, присела на соседний стул.

Девушка мило улыбаясь, рассказывала о недавно просмотренном ею историческом фильме «Россия молодая» снятом ещё в советские времена по книге Юрия Германа. мамочка у тебя — за фужер мартини рассекать ремнём мои любимые ягодицы. — Ну-у-у..., не только в этом, по её мнению, моя вина. Она, называя меня грязными словами, смыла с моих век тушь, с моих пухленьких губ помаду, приговаривая при этом: «Это же блядской макияж, он делает тебя похожей на проститутку!». Знаешь, Димочка, как мне обидно. Я ведь даже не поцеловала тебя ни разу, а она меня по губам безвинно. А ещё, родненький, она увидела моё эротичное белье красно-чёрного цвета с кружавчиками по краям. Бюстик такой плотно поддерживающий мои груди, с прозрачными вставочками, чтобы были видны мои молочно-шоколадные соски, сорвала разорвав пуговку. Трусики, не совсем закрывающие мой небритый лобок, её вообще взбесили. Как обидно, как обидно. Ты ведь даже и не узрел ни разу эту красоту, а она опять назвала меня... Ой не буду повторять, мне стыдно за неё. Что делать, Димочка?

— Я вот сейчас свой ремень расстегну... Погоди-ка..., та-а-ак. Приду к вам и сам так рассеку её попу. Век не захочет истязать мою крохотуличку. Ой, без ремня штаны падают. Тогда так. Вот у меня дубинка есть. Щас я её расчехлю... Ага, есть. Как ты считаешь, дубиной это не слишком?

— Вот дубина это самый раз. Приходи сейчас же. Первым делом настучи ей по губам. Прям

так смачно, с разворота, ка-а-ак въедь по этим говорящим матерные слова губищам. Потом по рукам, по рукам её, чтобы знала, как рвать моё, ни разу не показанное тебе, любимый, сексуальное белье... Ты, знаешь, Димочка? Она ещё соски мне поранила своими коготками, когда рвала бюстик. Они сейчас так ноют, так просятся на поцелуй твоими устами. Ох, как ужасно они ноют, приди, Димочка, лизни хоть разок.

— Ого, как они раскраснелись, как напряглись от тоски по мне! Мм-м-м, мои янтари, какие вы горячие, какие окровавленные. Мои холмы, упругие, какие вы нежные! А как между вами сладко пахнет. Век бы лежал в этой ложбине, вдыхал аромат своей четырнадцатилетней возлюбленной и облизывал соски.

— А что с неё сделать за то, что она, правда нечаянно, попала ремнем по губам моей писи? Я не вижу, но, по-моему, она поранила меня до крови. Кровь бежит не останавливаясь, заливает меня между бедрами. Ах! Дим, а вдруг она целочку мою порвала? Вот берегла, берегла себя для тебя, думала до восемнадцати лет сохраню бутон, отдам его тебе в нашу брачную ночь, а она одним росчерком ремня скосила розу.

— Раздвинь ножки, любимая, я посмотрю, что там у тебя кровоточит... Не печалься, родная, бутон твой на месте. Это писечка твоя плачет по моему древу. А слёз то сколько. Давай я повылизываю твою кисочку. О-о-о, да ты трепещешь, моя ладушка. Тебе нравятся мои ласки, сразу забыла о огне на ягодичках.

— Да, Дима, да! Ой... , целуй меня там... , целуй эти мои нежные губки... , поласкай их пальчиками, язычком.

— Любимая я неправляюсь с потоком. Можно я дубиной перекрою плотину?

— Нет, Димочка, ты ею можешь порвать перегородочку, отделяющую меня четырнадцатилетнюю от меня двадцатисемилетней.

— Но что же делать? Как справиться с потоком?

— С потоком я справлюсь сама, ты иди вон мою мамочку накажи. Она заслужила кары. Я от этого успокоюсь.

— Юля!? Разве мама сейчас дома?

— Да. Вот же она рядом лежит, мастурбирует. Сучка ненасытная. Ты посмотри, как она вздрагивает сикель! Как выкручивает соски. Ты же обещал по губищам ей дубиной... Да, да, вот так... , вот так. И по щекам её... , по щекам. Да, с внутренней стороны тоже можно. И знаешь ещё что? Горло ей заткни, горло. Ага, вот так! Вот это хорошую дубинку ты принёс. Видно мастерство. По гортани её елозит. Пусть слюнями исходится... , пусть... , не обращай внимания.

— Ого, родимая, какая у неё глубокая глотка, не хватает моей дубинки, однако. А можно я её ещё по тем губам, что между аппетитными ножками пройдусь... ? О-о-о, как она вагиной заплакала, сколько слёз льёт. Я вижу это у вас семейное, такой же поток бежит. Я принял решение — заткну прореху дубьём... Слышишь, любимая, как она заголосила, просит прощения... ? На получи, негодяйка, за слёзки моей Юли. На... , на... , уфх... ! Вот тебе на лицо, мамочка, и в рот... !

Ритмическими поскуливаниями передавала трубка происходящее на другом конце провода.

— Спокойной ночи, ладушка. Передавай привет маме, пусть лицо отмоет.

— После... трех... я буду... свободна. Спасибо, Дим. Спок. — Успокаиваясь от мастурбации, осталась довольна игрой проведения, устроившего ей столь романтическое свидание вместо желаемого краткого секса.

Конечно Дмитрия она тоже заприметила и чего греха таить желала отдаться «шкафу», резко отличавшемуся от её трёх-четырёх партнёров в год, восполняющих потребность в тестостероне.

Проследила за другими девушкиами, желающими познакомиться с крупным мужчиной, подумала, что у неё шансов уж точно нет. Некоторые девушки были очень даже ничего, красавицы с восхитительными наборами прелестей радующих мужское самолюбие. Но что же не нравилось Диме, почему он гневно взирал на претенденток? Юля не поняла. Дожидаться, когда он сам соизволит обратиться к ней, Юля не хотела. Поэтому её желание пройти мимо, чтобы покинуть ресторан и пойти на дискотеку, где спермообладателей больше, как больше и шансов вместе со спермой получить заразу, было встречено как просьба разделить с ним одиночество.

Ничего плохого не предвещало утро в кафе «Карамболь» в подвальном помещении которого находилось тайное казино. Всё так же по налаженному расписанию готовились блюда, вывозился мусор, привозились напитки. Димыч вошёл в офис шефа, спросил у Ганса о его, босса, настроении. «Напевает!» — ответил секьюрити, ковыряя в носу. «Ну, тогда не буду портить ему настроение!» — решил Дмитрий.

— Ночью без эксцессов? Всё в норме.

— В пределах погрешностей. — Временами Ганс отпускал заумные словечки. — Попытку посудомойки стащить палку колбасы, запихав её, угадайте куда... , правильно, пресёк Лёха. В казино я не лезу, как вы, Дим Димыч, приказали... Может пора повысить мой уровень допуска, шеф? Деньжат бы побольше заработал. Хатку присмотрел уже.

— Володя! — «Ганс» эту кличку он назвал сам, при подаче резюме, мол тянул лямку на иностранной киче. — Извини, но ты ещё не прошёл должную проверку. Всего три месяца сидишь тут. Некоторые по году плющат жопу. Сейчас иди спи, я дождусь Антипенко и по делам ещё съезжу.

— Окей, шеф. До послезавтра.

Охрана казино так же встретила Дмитрия отсутствием плохих новостей, что порадовало мужчину, проснувшегося сегодня отдохнувшим, с предчувствием праздника. По пути в «Карамболь» он проанализировал своё певучее настроение — единственное что его могло радовать — встреча с Юлей.

Как странно получалось — за пару часов общения с ней, он получил заряд энергии, аналогичный первому чмоку соседской девчонкой Любашей.

Они в тот день вдвоём прогуливали двухмесячного доберманчика. Щенок побежал к открытому люку колодца. Люба вскрикнула, приказывая Нику остановиться, умный щенок тормознул у края, повернул тело к хозяйке, присел. Тяжёлый круп щенка перевесил, и он упал на дно. Короткое «Тяв!» и тишина. Дима всеми фибрами почувствовал сковавший Любу ужас, её короткий вскрик прорезал сознание. Дима подбежал к колодцу. Он оказался не глубоким, метра два-два с половиной, сухим. По стальным скобам спустился на дно, сунул несмышлёныша за пазуху рубашки, поднялся. У девочки, ставшей стебельком былинки, дрожали все конечности и челюсть. Когда живой, невредимый комок оказался в её руках, она наконец дала волю чувствам. Громко, навзрыд плача, она целовала Ника, тискала его к груди. А потом... Потом солёными от слёз губами поцеловала его, Диму. Вроде не бросился грудью

защищать её от хулиганов, а поцелуй в губы, давно мечтаемый, ожёгший его до умопомрачения, получил. В этот момент Диме захотелось опуститься во все колодцы мира, поискать там щенков, котят, предстать живым щитом перед сворой бывших щенков, желающих покусать девушек, да что там девушек, он хотел защитить всех слабых, чтобы Люба, Любашенька видела его подвиг и наградила более ясным поцелуем в его иссохшие от ратных трудов губы.

Конечно поцелуи последовали и без подвигов. Он уже сам всасывал девичьи кумачовые губки, доводил их до сексуальной припухлости, которую она старалась прятать от понимающей причину мамы. Как, впрочем, и Дима застиривал свои трусы, после мастурбации или поллюции, возникшей от реалистичных снов. В девятом классе, на новогодние каникулы Люба поехала в гости к своей старшей сестре Анне, пригласила поехать Диму. Уже повзрослевший, комплексной похожий на взрослого мужчину, даже бреющего свой пушок на щеках, парень отпросился у родителей, которые понимая, что птенец делает первые взмахи крыльями, готовится к главному вылету из гнезда, отпустили сына в соседний город.

Вот там то и произошёл тот случай, вспоминая который Дмитрий искал аналогичный момент. Конечно было там и то что заставляло его смущённо улыбаться.

В первый вечер, Люба пришла к нему в комнату, которая в доме Анны считалась гостевой, присела на край постели у бедра лежащего парня, подставила губы для поцелуя. Она пришла в ночнушке и халате поверх неё. Парень притянул девушку к себе, ладонь не обнаружила привычных лямочек бюстгальтера, всегда эротически выпиравших из-под одежды, служа символом того что у этой человеческой особи есть такая прелесть как груди. Поглаживая спину девочки, провел ладонь к пояснице, ниже которой иногда смелее, опускал, правда не совсем на ягодицу, руку. В тот раз гладкий переход на попу так возбудил парня, что член, уже восставший после осознания что Люба без лифчика, оказавшаяся ещё и без трусиков, заголосил трубами церковного органа.

Страстно целуя подружку, не понимая для чего это она пришла к нему без белья, считай обнаженной — ведь слепцы видят пальцами, Дима впервые положил ладонь на маленькую грудку девушки. Он не слышал стонала ли она при этом, или не дышала — его голова гудела от отлива крови в головку. Дима уже сжимал то комочек плоти — грудку, то охапку — ягодицу. Что-то сдерживало его запустить ладонь под подол, провести её к верху по девичьей внутренней стороне бедра к манящему, запретному сходу одной ноги с другой. Девушка лежала одной своей грудкой на его мощной груди, бездействуя, толи ожидая продолжения, толи боясь его, даже не намекнула что хочет более интенсивных продолжений.

Пять минут, целая вечность продолжалось действие, потом Люба облизав с губ его слюни, пожелала спокойной ночи.

«Зачем она пришла без трусов? Мама моя спит хоть в ночнушке, но трусы не снимает. Хотя, как не снимает? Иногда ведь слышу их еблю, значит снимает для папы. Так что же получается Люба пришла для этого? Ох, чёрт! Ты идиот, Димон! Она ведь хотела, а ты... Лопух! Люба, любимая моя, приди завтра, пожелай мне приятных сновидений!»

Вторая ночь в большом доме Анны. Люба так же пришедшая пожелать спокойной ночи. Та же поза тел девочки, юноши. Только страсть иная. К одной руке, которой парень мог гладить — сжимать плоть девушки, добавилась её рука. Ладонь-хулиганка опробовала на твёрдость грудные мышцы, перешла на мышцы пресса. Телепатически взывая к подсознанию Любы

продолжить путешествие к пенису, парень добился своего — чужие пальцы, через два слоя ткани — простыню и трусы, охватили жезл. Ах, как сладки эти сжимания. Даже сегодня, через двадцать лет это воспоминание вызывает дрожь.

Юноша прислушивается к девичьим ласкам, а его подсознание руководит его конечностью, которая наконец легла на колено, обнажённое от подола, боясь спугнуть, двинулась к арке. Пальцы упираются в другую ляжку, пытаются протиснуться сквозь нежную мягкость, останавливаются почувствовав хоть и мягкую, но преграду, которую можно преодолеть нежелательной, грубой силой.

Люба приподнимается, присаживается ближе к голове парня, разворачивает таз и разводит ноги. Ладонь наконец достигает свода бёдер, натыкается на бархат волосиков. Девушка ещё шире раскрывает лоно, позволяя фалангам дотронуться до возбужденных валиков вульвы. Пальцем раздвинув плотно сжатые валики, натыкается на поток горячей слизи, чувствуя неудобство действиям, всё равно проталкивает палец меж мягоньких-мягоньких губок. Любаша при этом больно сжимает твёрдость древка, затем откидывает край простыни, залезает под резинку трусов. Ах, какая нежная ладошка, ласкала головку, как пальчики скользили по венам пениса.

Будто получив какую-то команду, они резко принялись снимать ткань. Дима — раз и трусы уже на коленях, два и с колен к спинке кровати. Люба — зацепила обе одежды сразу и одним движением разоблачилась. На секунду, в свете бра, блеснула голыми прелестями, нырнула под простыню. Ужом юркнула под массу парня, перекатила послушное тело в свое межножье. Неопытный, необученный пенис тычется в складки, причиняя боль. Девушка просовывает руку, направляет член.

Столько лет прошло, а Дмитрий помнит этот момент в деталях. Необычно жаркая полость плотно охватила головку, складочками массируя её. Зная о девичьих преградах, о необходимых при их разрыве осторожностях, юноша медленно опускает орган во влагу. Преграда не чувствуется, но девушка резко, будто обожглась, втягивает, через паралич челюстей, воздух. Юноша останавливается, замирает не дыша. Затем происходят две неподвластные ему вещи — девушка приподнимает таз, окончательно надеваясь на пенис, и он, пенис-предатель извергает сперму. Девушка вскрикивает, успевает ещё пару раз поднять попу.

Экстаз и стыд главенствуют в сознании юноши. Те разговоры парней: «Я её два часа жарил... А я измочалил член... А мы с девкой вспотели... « — это что? Байки? А где же умоляющая пощадить, перестать долбить, девушка?

Вот она лежит рядом, но не похоже, что девушка довольна. Апатично бросает: «Иди в ванну, отмой... !»

Дима послушно идёт. При более ярком свете видит оранжевое кольцо на пенисе. Мизер крови говорит, что, Люба до него была девственницей. Он рад хоть одному совпадению. Подмигивает отражению в зеркале. Транспорт начал заполняться следующим десантом сперматозоидов. Юля пытается встать, но натыкается на штык. И... «погибает». Издаёт тихий вздох удивления, перешедший в стоны радости.

Сегодня Дмитрий вспомнил, каким радостным для него было чувство восстановленной моци, как он наслаждался этой силой, наконец вызвавшей приятные стоны Любаши. Как она вначале тихонько поойкивала, затем громче ахала, как извивалась телом исследуя влагалищем зоны воздействия пенисом, как уже потеряв контроль над сознанием, царапала

спину парню, вжимала ноготки в его ставшие скальной породой ягодицы. Свет бра отражался от покрытых бисером пота висков Любы, от капли пота на его носу. Как он почувствовал ручеек пота на позвоночнике, собравшийся в озерцо над крупом, затем протекшее по копчику на анус, пощипал солью и излился по мошонке на постель.

Вспомнил так же, что неожиданно влагалище стало самостоятельным существом — временами, вместе с бёдрами-тисками, руками-клещами и просьбой устами повременить миг-другой, на секунду-другую клещевало пенис хомутом, ожидая от члена эякуляцию, не дождавшись — отпускало. Пяточки Любашеньки погружались в солёное озеро на позвоночнике, соскальзывали, опять окольцовывали стан парня. Да-а-а. Это были оставленные на совместное удовлетворение собственного и Любиного тела. А как прохрипела девушка, моля его закончить терзать её, пощадить её иссякающие силы. Какими сладостными были его, подхваченный Любой, вскрики завершения получасового марафона. Какой тряпочкой выглядел его пенис, покинувший подёргивающееся влагалище. Все признаки нормального, да что там нормального, великолепного полового акта на лицо.

Любаша выжила в своей схватке с любимым, он гладит её по мокрым волосам, мнёт мочку уха. Так она и уснула. Дима лежит подле неё, раздумывая о первом вторжение, принял его быстрое окончание как спотыкание рыцаря перед турниром. Больно тяжки были доспехи и оружие. Зато какова была победа! Разгромная, не требующая реванша, всеми принятая безоговорочная виктория!

Потом были ещё соития, такие же неожиданные, чумные страстью, извращенностью, но они не запомнились.

Пришедший на смену Антипенко передал записку: «Ганс крот. Менты будут в 9 ОО. Выполните команду Дельта!» Записка была написана его, Дмитрия, рукой. Когда он её мог написать? Чертовщина какая-то.

До срока остается десять минут. Димыч бежит к шефу, называет пароль «Дельта». В бильярдной сейчас открыт вход в подвальное помещение. Только те, кто входил в бильярдную знают истинное назначение помещения. Дмитрий ныряет подпол, командует людям, находящимся там эвакуироваться немедля. Девять человек, из них трое клиентов поднимаются в зал, Романыч жмёт кнопку, и тяжёлая плита вместе с бильярдным столом закрывают трап вниз. Паркет выехавший из-под стены, обсыпается пеплом из пепельниц, рядом у стены ложатся, будто небрежно брошенные окурки.

Девять. ОМОНа нет. Три минуты десятого. Тяжёлый топот армейский берц. Ожидаемый шухер. Изымаются документы, жёсткие диски компьютеров. Арестовывают Антипенко, ловко отвлекшего своим неподчинением властям ментов, пристального изучавших бильярдную. Шмон закончился безуспешно.

— Кто предупредил? — Спросил, выпив виски Романыч.

— Пацан какой-то принес записку, — Дима хотел сказать, что это он сам написал и себе же адресовал, но передумал. — Принёс охраннику и убежал.

— Где она?

— Да, бля с мандражка куда-то выкинул. Поищу.

Наведение марафета, другие заботы протянулись до вечера. Он так и не успел съездить к тому месту где прошла позапрошлая ночь.